

27. Никифоров А.Л. Семантическая концепция понимания // Загадка человеческого понимания / Под ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1991. С. 72–94.
28. Петровский В.А. Феномен субъектности в психологии личности: Автореферат дис. ... докт. психол. наук в форме доклада. М., 1993. 70 с.
29. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: АСТ, 2001. 624 с.
30. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 282–426.
31. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М. Изд-во АН СССР, 1958. 354 с.
32. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1. 488 с.
33. Современный психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 490 с.
34. Словарь иностранных слов. 11-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1984. 608 с.
35. Степанский В.И. Психоинформация. Теория. Эксперимент. М.: Моск. психолого-соц. ин-т, 2006. 136 с.
36. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 718 с.
37. Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия. М.: Изд-во Ин-та трансперсональной психологии; Изд-во К. Кравчука, 2004. 412 с.
38. Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет: 1887–1939. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
39. Хостов А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 1994. № 2. С. 3–13; № 3. С. 3–12.
40. Шрейдер Ю.А. Тезаурусы в информатике и теоретической семантике // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1971. № 3. С. 21–24.

Поступила в редакцию 5.VI 2011 г.

Вопросы психологии. 2011. № 6. С. 15-24.

ПОНИМАНИЕ, ПОСТИЖЕНИЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ

В.В. ЗНАКОВ

Обосновывается необходимость психологического анализа феномена опыта в исследованиях понимания. Рассмотрены три основные проблемы: 1) невозможность существования понимания без самопонимания; 2) понимание-постижение смысла событий и ситуаций человеческого бытия, описание которых основано на повседневном знании и экзистенциальном опыте; 3) научное описание метасистемной организации трехкомпонентной структуры экзистенциального опыта.

Ключевые слова: герменевтический конструктивизм, понимание, самопонимание, постижение, повседневное знание, экзистенциальный опыт.

Одна из заметных тенденций развития современной методологии науки заключается в переосмыслении феномена опыта, смещении интересов большого числа ученых от изучения преимущественно когнитивных его компонентов к экзистенциальным. Во многих исследованиях ключевую роль начинает играть анализ не сознания, знания и переживания, а интегративного феномена *опыта* — индивидуального и над-

личностного. В методологии гуманитарных наук необходимость постановки во главу угла ментального и экзистенциального опыта, а не когнитивной истины ясно и четко сформулирована Ф. Анкерсмитом [1]. В психологии сегодня уже тоже трудно найти психолога, убежденного в том, что опыт представляет собой исключительно «способ познания действительности, основанный на ее непосредственном, чувствен-

ном практическом освоении» [11; 237]. В соответствии с антропологическим принципом опыт рассматривается как сложный сплав знаний, переживаний, ценностей, смыслов. В частности, «в экзистенциальной философии опыт понимается как глубинное знание, которое рождается в корне экзистенции в процессе переживаний и действий, составляющих духовное бытие личности, решение ею коренных вопросов существования: отношения к смерти, причастности миру, преодоления одиночества» [8; 165]. В психологии понимания категория «опыт» играет значимую роль при интерпретации событий и феноменов, которые нельзя понять на основе исключительно рационального знания. К ним относятся смысл жизни и смерти, надежда как метаценность человеческого бытия, поведенческие проявления мудрости, понимание террористической угрозы, моральной допустимости аборт, эвтаназии и т.п.

Первая цель статьи — обоснование невозможности существования понимания без самопонимания. *Вторая* цель состоит в анализе положения о том, что понимание многих событий и ситуаций человеческого бытия основано на повседневном знании, отличном от научно достоверного, и потому их понимание возможно только по типу понимания-постижения [5], основанного на экзистенциальном опыте. Наконец, *третья* цель — проанализировать метасистемную организацию трехкомпонентной структуры экзистенциального опыта субъекта [6].

ПОНИМАНИЕ И САМОПОНИМАНИЕ

Сегодня в гуманитарных науках общепризнанным считается суждение о том, что любое понимание одновременно является и самопониманием. Независимо от того, на что направлено понимание — изучение человека, общества или природы, — это всегда процесс самопонимания. Даже если мы пытаемся понять что-то

внешнее, какую-то объективную реальность, мы выражаем самих себя, познаем, расширяем и понимаем свой внутренний мир. Любой акт понимания осуществляется в двух направлениях. Понимая что-то во внешнем мире, поднимаясь еще на одну ступеньку познания, субъект одновременно углубляется в себя и как бы возвышается над собой.

В психологии на взаимосвязь понимания и самопонимания указывают многие ученые. В частности, по мнению Ф. Фролика, самопонимание субъекта является обязательным условием понимания других людей [26]. Понимание другого по сути есть обнаружение Я в Ты. Неудивительно, что Л. Витгенштейн говорил, что в стране с чуждыми нам традициями, «даже владея языком этой страны, мы не понимаем людей. И не потому, что не знаем, что они говорят друг другу. Мы не можем обнаружить себя в них» (цит. по [7; 186]). Навыки понимания объектов, явлений неживой природы также способствуют пониманию других, что, в свою очередь, позволяет нам лучше понимать себя. В каждом акте понимания человек осмысливает себя через *проекцию собственных возможностей*. То, что мы понимаем о ситуациях человеческого бытия, нельзя отделить от того, как мы *видим нас самих* в свете этих ситуаций. А то, как мы видим себя, в свою очередь, обуславливает то, как мы интерпретируем контексты, в которые вовлечены [28].

Отсутствие навыков самопознания и самопонимания сегодня составляет не только научную, но и общественно-политическую проблему. В современном обществе нежелание, неумение, боязнь многих людей осознавать и понимать себя наблюдается не только в межличностных отношениях, но и на уровне массовых проявлений социальной активности. Например, за поступками многих так называемых борцов за социальную справедливость, членов различных партий, обещающих на-

роду лучшую жизнь, ясно видна их неспособность обратить внимание на самих себя, сосредоточиться на решении своих личных проблем. Неудивительно, что, не понимая себя, такие политические деятели плохо понимают избирателей; это — одна из причин того, что они выдвигают нереальные, неосуществимые политические и социальные программы.

Однако, как отмечает немецкий психолог В. Келер, самопонимание является серьезной проблемой еще и потому, что человек даже при наличии желания, соответствующей мотивации может не понимать себя. Истоки проблемы самопонимания следует искать в расхождении между тем, как анализирующий себя человек действительно понимает себя, и тем, как он *должен* понимать, т.е. как ему следовало бы понимать себя в соответствии со своим настоящим, подлинным бытием. Немалые сложности возникают вследствие существования *трех* не совпадающих типов представлений о себе: 1) реального, по мнению субъекта, образа Я; 2) такого, каким он хотел бы быть (желаемого Я); 3) образа того, чего он о себе реально не знает (образа, соответствующего его сущности, подлинному бытию) [29].

Одна из тенденций развития современных психологических исследований проявляется в осознании психологами невозможности описания понимания и самопонимания только как составляющих *внутреннего* мира субъекта. Интра- и интерсубъективность понимания и самопонимания человека и группы не противостоят друг другу как две разные реальности, а воссоздаются обращениями людей друг к другу и к самим себе. Традиции изучения общности, поиска истоков понимания и самопонимания человека не только в его внутреннем мире, но и в ценностно-смысловом пространстве межличностных взаимодействий существуют как в отечественной, так и западной психологии. Российские психологи описывают признаки

группового субъекта, обладающего само-рефлексией, а также коллективную память как условие конструирования социальных представлений и взаимопонимания больших групп людей [3]. Западные ученые исследуют совместно разделяемый жизненный опыт [22]. Они также утверждают, что персонификация коллективов и социальных групп, приписывание им психологических черт, присущих отдельным людям, является нормальным явлением [29]. В западной дискурсивной психологии, в конструктивизме сегодня доминирует утверждение, что знание не только возникает внутри сообществ познающих субъектов, но и определяет то, *что* мы считаем реальностью. Согласно К. Гергену, понимаемое человеком знание о мире это не индивидуальный ментальный образ. Понятое знание следует анализировать не как то, что находится в головах людей, а как нечто, что они совместно создают в ходе языкового взаимодействия [27].

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ И ПОНИМАНИЕ

Понимание ситуаций человеческого бытия поливариативно. Это значит, что любая ситуация потенциально содержит в себе возможность самых разных интерпретаций. В конкретных способах интерпретации проявляется своеобразие, характерные психологические особенности понимания ситуации индивидуальными и групповыми субъектами. Например, на множественности интерпретаций строится психосемантический конструктивизм В.Ф. Петренко, особенно отчетливо это видно в его кроссконфессиональных исследованиях религиозной картины мира людей, живущих в разных странах [17].

Категория интерпретации является ключевой в герменевтическом конструктивизме, основывающемся на представлении о возможных мирах — мыслимых состояниях бытия.

Постнеклассическая научная рациональность коренным образом изменила наше понимание не только того, что из себя представляет социальный мир, но и вообще что такое объективная реальность. С методологической точки зрения это произошло, главным образом, в результате изменения понимания отношений между знанием о мире и реальностью. Например, в герменевтическом конструктивизме Г. Киари и М.Л. Нуццо [23] утверждается, что осмысленное знание возникает в пространстве взаимодействий субъекта с объектом. Иными словами, реальность это не что-то «там», отделенное от нашего опыта и влияющее на его формирование. В новом реализме акцент делается на действительность как нечто такое, что невозможно построить и описать без языка и понимания. Реальность мира человека ученые обычно рассматривают как зависимую от того, каким именно образом люди совместно порождают и реализуют свои идеи. Следовательно, во-первых, существует бесконечное разнообразие социально построенных фактов. Во-вторых, для психологов понимаемые факты существуют одновременно и в самом субъекте, и в ценностно-смысловом пространстве межличностных взаимодействий.

Отношения между пониманием и реальностью — центральная проблема конструктивизма в психологической науке. Сегодня трудно найти психолога, сомневающегося в существовании объективного мира. И в то же время конструктивистов нередко обвиняют в том, что они не отражают мир, а выдумывают его. Однако конструктивисты неоднократно подчеркивали, что внешняя по отношению к наблюдателю действительность, конечно же, существует. Вместе с тем надо признать, что она известна познающему субъекту только на основе имеющихся у него мысленных конструктов. Конструкты структурируют и выстраивают картину мира в сознании

понимающего субъекта. Герменевтические конструктивисты также утверждают, что внешняя действительность, которую люди знают, никогда не может быть независимой от социальных, лингвистических и культурных методов, которые используются для ее понимания [30]. Реальность существует, но ученые могут осознавать и понимать только собственные конструкты о ней [23]. Иначе говоря, человеческое сознание направлено на то, что может быть выражено языком и осмыслено, понято. Только осмысленная часть действительности для каждого из нас является подлинно человеческим миром, о котором писал С.Л. Рубинштейн [19]. В частности, любая наука строится на проинтерпретированных, понятых учеными фактах. Например, А.Ф. Лосев полагал, что история как наука — это только понятые факты: «Факты сами по себе глухи и немые. Факты непонятые даже не суть история. История всегда есть история понятых или понимаемых фактов (причем понятых или понимаемых, конечно, с точки зрения личностного бытия)» [13; 129].

Согласно современному *тезаурусному подходу* к организации гуманитарного знания, человек сознательно обладает лишь той частью культуры, которая им осмыслена, понята [14]. Например, я мог где-то услышать или прочитать слова «дадаизм» (модернистское течение в искусстве, основанное на принципе разрушения образности) и «денситометр» (прибор для измерения степени затемнения фотографических материалов). Однако если сейчас я не могу определить их значение, не знаю, что это такое, то эти понятия не осмысленны, непонятны. Значит, они не входят в мой индивидуальный тезаурус.

Таким образом, человеческий мир состоит только из осмысленных, понятых фактов, событий, ситуаций. Следовательно, у каждого из нас свой уникальный «мир культуры», «мир науки», «мир детства» и т. п.

ПОВСЕДНЕВНОЕ ЗНАНИЕ И ПОСТИЖЕНИЕ

Любому профессиональному психологу известны результаты исследований Л.С. Выготского о житейских и научных понятиях. Ребенок, овладевший житейскими понятиями, обращает внимание лишь на отраженные в них эмпирические связи, т.е. отношения между предметами. Он еще не способен определить понятие другими словами и установить сложные логические отношения, описать целостную понятийную структуру. В отличие от житейских научные понятия встроены в систему знаний, связаны с другими терминами в иерархической системе логических отношений, в которой представлено множество других понятий разного уровня обобщенности.

Однако неправильно было бы считать житейские понятия только более ранней ступенью онтогенетического развития человека: они играют важную роль во многих ситуациях и обстоятельствах жизни взрослых людей. Сегодня, когда ученые ясно осознали многомерность мира человека и, соответственно, «многоэтажность психологии» [12], на соотношение житейских и научных понятий необходимо посмотреть с иной точки зрения. Множественность и неоднородность ситуаций человеческого бытия закономерно порождает вопрос: может быть, неразумно стремиться описывать и объяснять абсолютно все события и ситуации с помощью достоверного научного знания? Утвердительный ответ на него очевиден, потому что в психологических исследованиях только небольшую часть суждений мы можем соотносить с критериями истины. В остальных случаях, если стремиться быть научно корректным, при интерпретации результатов исследований нужно говорить не об истинности, а о правильности или правдивости суждений о людях, событиях, ситуациях [5]. Решения моральных ди-

лемм, конфликтов, спорных политических вопросов чаще основываются на чувствах, переживаниях, социальных представлениях, на опыте людей, чем на достоверных научных знаниях. Как можно определить, правильно ли поступило правительство Израиля, обменявшее в конце 2011 г. военнопленного капрала Г. Шалита на 1027 палестинцев, отбывавших наказание в израильских тюрьмах за совершение террористических актов и другие преступления против мирных жителей? Это решение не может быть объяснено никакими логическими рассуждениями, потому что оно основано на повседневном знании и экзистенциальном опыте людей, долгие годы живущих в условиях арабо-израильского конфликта.

Как известно еще со времен работы А. Шюца «Чужак», знание человека, думающего и действующего в мире своей повседневной жизни, несвязно, оно обладает лишь частичной ясностью и не свободно от противоречий. Обычно человек довольствуется тем, что в его распоряжении есть исправно функционирующая телефонная служба, но не задается вопросом о том, как работает телефонный аппарат. Он покупает в магазине товар, не зная, как тот изготовлен, и расплачивается деньгами, имея самое смутное представление о том, что такое деньги. А. Шюц пишет: «В повседневной жизни человек лишь частично — и осмелимся даже сказать: избирательно — заинтересован в ясности своего знания, т.е. полном понимании связей между элементами своего мира и тех общих принципов, которые этими связями управляют. <...> Более того, он вообще не стремится к истине и не требует определенности. Все, что ему нужно, — это информация о вероятности и понимание тех шансов и рисков, которые привносятся наличной ситуацией в будущий результат его действий» [21; 536].

Помимо характеристик, указанных выше, повседневное знание включает *осознание непонимания*, т.е. понимание того, что

некоторые виды человеческого опыта выходят за пределы обыденной реальности, которую нетрудно понять. Показательный пример – воспоминания людей, переживших клиническую смерть [16]. При анализе таких ситуаций человеческого бытия мы вынуждены анализировать феномен *постижения*, основанный на экзистенциальном опыте субъекта. Очевидно, что понимание некоторых событий и ситуаций происходит при опоре не на достоверное, допускающее эмпирическую проверку знание, а на личностное. Структура последнего в значительной степени основана на неосознаваемом невербализуемом знании, которое можно только постигать.

Человек может понимать или не понимать и сложные и простые объекты. Но когда объект психологического анализа сложен, как, к примеру, нравственное самосознание, то следует говорить о понимании, в основе которого лежит постижение. В русском языке глагол «постижение» указывает на понимание сути, скрытого смысла. Понимать можно и простые и сложные события, явления, факты, но постижение направлено только на сложные.

Постижение основано на экзистенциальном опыте индивидуального или группового субъекта. Доказательства этого можно найти в психологических исследованиях, например, женских автобиографий. Характерной особенностью женской автобиографии является апелляция к личному экзистенциальному опыту прежде всего как *гендерному опыту группы*. Как утверждает Ш. Фелман в известной книге «Чего хочет женщина? Чтение и половые различия», в основе такого опыта находятся представления о травме, подавлении, репрессии в культуре [25]. Женщина не может писать собственную историю потому, что она *не знает* ее, так как нельзя «знать» травму: ее можно *только переживать* и понимать по типу понимания-постижения. Внутренний приватный мир женского Я сознатель-

но или бессознательно противопоставляется автором биографии миру общепризнанных фактов. Вследствие этого вместо временной нарративной последовательности реализуется эмоциональная последовательность событий. В результате *внешняя событийность* якобы очевидных объективных фактов подменяется женской *внутренней аффектированной* автобиографией [4].

МЕТАСИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОПЫТА

Экзистенциальный опыт осуществляет ценностно-смысловую регуляцию жизни человека. В нем сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни. Между тем экзистенциальный опыт – это то, что нельзя выразить в категориях ни сознания, ни бессознательного. Он представляет собой сплав языка как формы общественного сознания и невербализуемой субъективности, иначе говоря, унифицированного общего в человеке и его трудно выразимой словами индивидуальности. Как было обосновано ранее, экзистенциальный опыт субъекта состоит из трех главных компонентов – тезаурусного, интенционального и этического [6]. Характерная особенность экзистенциального опыта заключается в том, что в общении с его помощью субъект понимает пределы своих возможностей. Субъективно они осознаются как границы, к которым можно только приблизиться в собственном психическом развитии. Вместе с тем зрелые формы понимания себя проявляются также в том, что, осознавая пределы саморазвития, субъект не может их объяснить, а тем более выйти за них и эмоционально пережить. Несмотря на это, экзистенциальный опыт человека потенциально содержит в себе не только декларативные, но и такие процедурные знания, которые способствуют реализации изменений, невозможности оставаться прежним, стремлению выйти

за свои пределы и превзойти себя преждего. В этом — залог психического развития субъекта и субъектности.

В контексте психологических исследований принципиально важным является различие повседневного (обыденного) и экзистенциального опыта субъекта. Человеческое бытие наполнено событиями, отсутствие событий — признак биологической смерти или психологического умирания. В повседневной жизни мы встречаемся с друзьями, сослуживцами и незнакомыми людьми; работаем, уезжаем в командировки и отпуск; узнаем о событиях в стране и мире и т. п. Эти обычные события и ситуации человеческого бытия пополняют и расширяют багаж обыденного опыта. Однако знания и воспоминания далеко не обо всех из них оказываются включенными в экзистенциальный опыт субъекта.

Экзистенциальный и обыденный виды опыта следует различать, по меньшей мере, по *трем* критериям: 1) наличие или отсутствие в структуре опыта метасистемной организации; 2) ориентация на «субъективный» способ определения самого значимого, ценного для субъекта и на «объективный» выход за *содержательные* пределы ситуации, абстрагирование от ее конкретных обстоятельств, обобщение; 3) оценка субъектом событий и ситуаций человеческого бытия либо как привычных, либо как критических, резко отличающихся от повседневных. Рассмотрим эти критерии подробнее.

1. Экзистенциальный опыт по отношению к обыденному является *метасистемным*, это «опыт второго порядка». Экзистенциальные события представляют собой такие осмысленные, понятия, оцененные субъектом факты и явления человеческого бытия, к которым он не может остаться равнодушным. Неудивительно, что экзистенциальными для субъекта становятся далеко *не все* повседневные события и ситуации, которые он помнит. Экзистенциальные — только события, оказавшие на человека

сильное влияние, в процессе осмысления и понимания которых *изменился его внутренний мир*. Очевидно, что некоторые события приобретают для нас экзистенциальное значение лишь после осмысления, оценки, понимания того, что сначала могло показаться малозначимым и не имеющим непосредственного отношения к нашей жизни. И только рефлексия, сопоставление, умозаключение позволяют осознать не сиюминутный характер, а непреходящий экзистенциальный смысл произошедшего. Например, победа подростка в школьных спортивных соревнованиях может послужить толчком к размышлениям о роли спорта в жизни человека и возможности в будущем стать великим спортсменом.

Из неразрывной связи двух видов опыта следует, что в психологическом исследовании экзистенциальный и обыденный опыт нужно рассматривать как единую систему, причем «систему со встроенным метасистемным уровнем» [9]. В содержании системы экзистенциальный опыт *«одновременно* является и ее собственным уровнем, и уровнем, выходящим за ее пределы (метауровнем), то есть в определенном смысле — локализованным вне ее» [10; 181]. Системный и метасистемный уровни опыта не могут существовать один без другого. С одной стороны, основанием определения события как экзистенциального для человека становится формирование его эмоционального и познавательного отношения к этому фрагменту повседневного бытия, *переживания* всего, что с ним связано. С другой стороны, отнесение события к обыденному опыту возможно только с точки зрения уже осуществленного понимания, *рефлексии*, сопоставления с другими событиями и ситуациями.

С позиции метасистемного подхода [9] в экзистенциальном опыте как интегративном психическом образовании, включающем знания, ценности, смыслы и др., важную роль играют переживания и рефлексия.

Переживания — непрменный атрибут интенциональной направленности субъекта во всех ситуациях человеческой жизни. Современные исследования показывают, что переживание является опосредствующим звеном между психическими состояниями и процессами [20]. Психический феномен переживания в психологии человеческого бытия является одним из центральных. Это естественно, потому что, по мнению А. Лэнгле, с которым я согласен, «переживание представляет собой “точку пересечения” (“точку соприкосновения”) внутреннего и внешнего мира. Оно являет собой основу, на которой человек формирует свою жизнь и преодолевает все возможные препятствия в мире конкретных условий, возможностей и требований. Поэтому правильный подход к переживанию — это важное условие для экзистенции: для индивидуально формируемой, диалогически открытой жизни в “мире”» [15; 48–49]. В переживании как динамической единице сознания, его субъективной составляющей [20] проявляется мировоззренческая ценностно-смысловая направленность жизни человека.

Рефлексия многими психологами рассматривается как преимущественно сознательный процесс, а рефлексивность — как данность сознания самому себе [10]. Переживание тоже нередко понимается именно как рефлексивный процесс, способствующий осознанию переживаемого. С этим трудно спорить — в результате взаимодействия процессов рефлексии и переживания осуществляется осознание актуальной жизненной ситуации. Однако в то же время возможно и отсутствие подобного осознания. И в этом случае отсутствие рефлексии переживаемого события препятствует перемещению воспоминания о нем из повседневного опыта в экзистенциальный.

Конструктивная попытка устранения противоречия между осознанностью рефлексии и личностным и не всегда осознаваемым характером переживаний предпринята А.О. Прохоровым в цикле проведенных им

и его учениками исследований, посвященных анализу смысловых оснований рефлексивного слоя психических состояний [18], [20]. Рефлексию, смыслы и переживания он анализирует в едином континууме семантического пространства психических состояний: «Включение переживания в структуру смысловой детерминации обусловлено тем, что возникновение психического состояния субъекта связано с бытием и отражением бытия самого субъекта, а также с отражением его отношения к бытию. Презентация этого отражения в сознании человека осуществляется не в виде образов, а в виде переживаний» [18; 46].

По моему мнению, интересным «побочным продуктом» (термин Я.А. Пономарева) цикла работ А.О. Прохорова оказалась явно просматриваемая перспективная линия психологического анализа двух названных видов человеческого опыта.

2. Индивидуально-личностный способ отнесения субъектом события к разряду экзистенциальных определяется целостным пониманием ситуации, в которой оно происходит. Понимание ситуации включает переживания и смыслы, имеющие для человека позитивную или негативную ценность. Событие, в частности встреча с крупным ученым, может произвести на кого-то неизгладимое впечатление и стать значимым компонентом экзистенциального опыта. Для других знакомство с этим человеком — хотя и интересный, но все-таки рядовой жизненный эпизод. Например, для меня судьбоносное значение имело научное и личное общение с Б.Г. Ананьевым, А.В. Брушлинским, О.К. Тихомировым, а многие из моих коллег и друзей, прежде всего, вспоминают и называют другие фамилии — В.В. Давыдова, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова. И это нормально с точки зрения психологии понимания, основанной на представлениях об индивидуальных различиях структур личностного знания, с которыми соотносится понимаемое событие или ситуация.

Однако экзистенциальность события определяется не только субъективно-личностными факторами. Экзистенциальное — это всегда выходящее за пределы внутреннего мира субъекта и оцениваемое с системных позиций: я и другие, я и человечество, человек и жизнь, бытие и небытие и т.п. Понимание события как экзистенциального основано на таком абстрагировании от конкретных эмпирических обстоятельств ситуации, которое включает его содержание в духовный мир субъекта, способствует осознанию его непреходящей жизненной ценности. Понимание всего, что для субъекта значимо, основано на метакогнитивной осведомленности, выходе за пределы конкретного *содержания* события (ситуации). Такой выход требует от субъекта не только соотнесения понимаемого события с личностным знанием, но и включения его в более широкий контекст человеческого бытия. В основании понимания экзистенциального опыта оказывается специфическое понимание человеком не только мира, но и себя: я имею в виду метаперсональную самоинтерпретацию [24], которая также представляет собой метасистемный уровень самопонимания. Метаперсональная самоинтерпретация распространяется за пределы индивидуально-личностного, внутреннего мира и охватывает более широкие стороны человеческого бытия — осознание субъектом себя как частички космоса, человечества, жизни. В процессе метаперсональной самоинтерпретации человек понимает, что свою сущность можно понять, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, общество и универсум. Метаперсональное порождается универсальным фокусом, таким взглядом на себя и мир, который включает всю природу и жизнь в Я-концепцию субъекта.

3. Большую вероятность превращения в экзистенциальные имеют критические события, выходящие за пределы обыденного опыта человека. Естественно, что та-

кие события (неизлечимая болезнь, утрата близких, страх смерти у летчиков-испытателей или обычных людей, которые оказались на месте теракта или техногенной катастрофы) эмоционально очень нагружены и имеют большие шансы повлиять на внутренний мир субъекта. Однако то, станет ли событие критическим и экзистенциальным для субъекта, определяется не только перечисленными выше объективными факторами: важную роль играет соотношение объективных жизненных обстоятельств и субъективного восприятия и понимания их как простых, обыденных или сложных, труднопреодолимых. Такое соотношение детально проанализировано в типологии жизненных миров и кризисных ситуаций, разработанной Ф.Е. Васильюком. На ее основе проблему классификации событий как критических или обыденных можно сформулировать в категориях соотношений *легкого* или *трудного* внешнего мира и *простого* или *сложного* внутреннего мира людей [2].

*

Итак, проводя научное исследование, современный психолог должен ясно осознавать, что люди живут в многомерном мире. Многомерность мира не только порождает принципиально различные традиции психологических исследований [5], но и делает бессмысленными дискуссии на тему, является ли психология преимущественно естественной или гуманитарной наукой (примером такой дискуссии является состоявшийся 25 апреля 2007 г. методологический семинар, который был организован Институтом психологии РАН и Психологическим институтом РАО). Неоднородность мира человека приводит к тому, что естественнонаучные методы исследования психики, допустимые и научно корректные в рамках когнитивной традиции, оказываются неприемлемыми в герменевтическом и экзистенциальном подходах. Необходимость разумного

сочетания естественнонаучных и гуманитарных методов особенно ясно видна в психологических исследованиях понимания. Это неудивительно, потому что феномен понимания является сквозным, имеющим большое значение на разных уровнях человеческого бытия. История исследований в этой области, в том числе моих собственных, — это история перехода от анализа преимущественно познавательных сторон понимания к герменевтическим и экзистенциальным. В этой связи смещение фокуса исследовательских интересов в направлении углубленного анализа постижения и опыта я считаю не только закономерным, но и перспективным.

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
2. Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 3. С. 90–101.
3. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Ин-т психологии РАН, 2006.
4. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб.: Алетейя, 2007.
5. Знаков В.В. Три традиции психологических исследований — три типа понимания // Вопр. психол. 2009. № 4. С. 14–23.
6. Знаков В.В. Экзистенциальный опыт субъекта как проблема психологии человеческого бытия // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. С. 211–225.
7. Ионин Л.Г. Понимающая социология: Историко-критический анализ. М.: Наука, 1979.
8. Калюжная Н.А. Философский анализ опыта: экзистенциальные аспекты // Вопр. филос. 2009. № 9. С. 164–170.
9. Карпов А.В. Метасистемная организация уровней структур психики. М.: Ин-т психологии РАН, 2004.
10. Карпов А.В. Психология сознания: Метасистемный подход. М.: РАО, 2011.
11. Краткий психологический словарь / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов-н/Д.: Феникс, 1998.
12. Кричевец Л.Н. Многоэтажная психология. Эскизный проект. О проблемах и проблемных ситуациях научного познания человека в знаяном пространстве современности (соображения, обсуждение, предложения) // Мир психологии. 2005. № 3. С. 218–233.
13. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
14. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.
15. Лэнгле А. Эмоции и экзистенция. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
16. Моуди Р. Жизнь после жизни. Свет вдали. Киев: София, 2008.
17. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: Психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.
18. Прохоров А.О. Рефлексивный слой психического состояния // Мир психологии. 2006. № 2. С. 38–49.
19. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
20. Фахрутдинова Л.Р. Психология переживания человека. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008.
21. Шюц А. Чужак. Социально-психологический очерк // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 533–549.
22. Bittner R. Verstandnis für Unvernünftige // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1989. Bd. 43. H. 4. S. 577–592.
23. Chiari G., Nuzzo M.L. Psychological constructivisms: A metatheoretical differentiation // J. of Constructivist Psychol. 1996. V. 9. Iss. 3. P. 163–184.
24. DeCicco T.L., Stroink M.L. A third model of Self-construal: The metapersonal Self // Int. J. of Transpersonal Studies. 2007. V. 26. Iss. 1. P. 82–104.
25. Felman S. What does a woman want? Reading and sexual difference. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1993.
26. Frohlich V. Sich selbst verstehen? // Bittner G. (Hrsg.). Menschen verstehen: Wider die «Spinnewebn dogmatischen Denkens». Würzburg: Königshausen & Neumann, 2005. S. 35–42.
27. Gergen K.J. The social constructionist movement in modern psychology // Amer. Psychologist. 1985. N 40. P. 266–275.
28. Kerdeman D. Between Interlochen and Idaho: Hermeneutics and education for understanding // Tozer S. (ed.). Philosophy of education 1998. Urbana, IL: Philosophy of Education Society, 1999. P. 272–279.
29. Köhler W.R. Personenverstehen: Zur Hermeneutik der Individualität. Frankfurt/M.; Lancaster, UK: Ontos Verlag, 2004.
30. Raskin J.D. Defending constructivist ethics after September 11 // The Humanistic Psychologist. 2002. V. 30. N 3. P. 282–291.